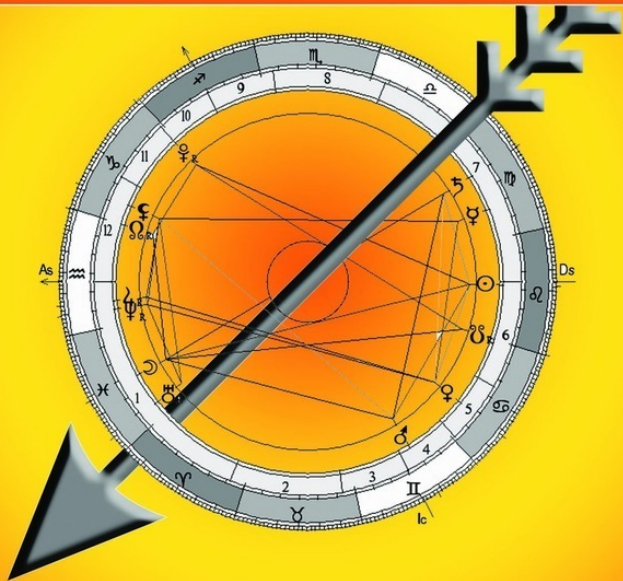

Вадим Наговицын

Предсказатель

Повесть

Вадим Наговицын

Предсказатель. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23989016

ISBN 9785448515132

Аннотация

В квартире известного предсказателя и астролога Пармениуса раздался телефонный звонок. Незнакомец настойчиво попросил срочно составить гороскоп для некоего лица и пообещал солидное вознаграждение. Пармениус согласился. Составив гороскоп, астролог неожиданно увидел, что сегодня, в день рождения заказчика, тому грозит смертельная опасность.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	18
6	27
7	33
8	40
9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Предсказатель Повесть

Вадим Наговицын

© Вадим Наговицын, 2017

ISBN 978-5-4485-1513-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Морозным мартовским вечером поезд плавно остановился у платформы, и множество пассажиров высыпало наружу. Поток людей с огромными сумками, чемоданами и тюками пополз к высокому зданию вокзала, на котором сияли огромные буквы – «Прокопейск». Шустрые носильщики в чёрной униформе торопливо подхватывали багаж и громоздили его на тележки. Но многие пассажиры предпочитали сами мужественно тащить свою тяжёлую поклажу.

Из пятого вагона почти самым последним сошёл мужчина невзрачного вида. Был он невысок ростом, коренаст, круглое лицо давно небрито, и одет очень скромно – в старомодное чёрное пальто и вязаную чёрную шапочку. В руках он держал небольшую дорожную коричневую сумку. Обычный командировочный или мелкий торговец – поди его разбери.

Пассажиры на платформе редели, втекая внутрь вокзала, и только тип в чёрном пальто не торопился войти. Он стоял неподалёку от входа и смотрел, как непрерывно распахивающиеся стеклянные двери пропускали через себя людей – одного за другим.

Электронные часы на табло показали 17—00. Мужчина достал из кармана мобильный телефон и зажал в руке, ожидая звонка. Через минуту телефон засветился и издал звук популярной мелодии.

– Это гость. Я слушаю! – мужчина сильно прижал телефон к уху. Пар от дыхания густо за клубился над его головой.

В трубке был слышен искажённый хрипловатый мужской голос:

– Иди в вокзальный бар на втором этаже. Подойдёшь к седьмому бармену, скажешь, что от Пилигрима. Он всё объяснит. Затем поезжай в ресторан «Глория», тебя там встретит наш человек, дальше действуй по плану. Понял?

Мужчина, кивнув головой, словно собеседник был рядом, ответил:

– Да, всё понял.

Он нажал кнопку отбоя, запихнул телефон в карман и вошёл внутрь здания.

Через пятнадцать минут он вышел с другой стороны вокзала с небольшим клетчатым баулом в руках и сел в такси. Машина помчалась в город.

2

– Это вы, господин астролог? Мне нужно срочно попасть к вам на приём. Срочно! – истеричный женский голос в телефонной трубке звучал напористо и визгливо.

– Я сегодня не принимаю! – с недовольным рычанием ответил Пармениус. Он был встревожен, и ему было не по себе. Но собеседница продолжала настаивать на своём:

– Вы составляли мне гороскоп в прошлом месяце, но ничего хорошего в нём не сбылось! Одни сплошные неприятности – и никаких просветов. А вчера астролог Феодора сказала, что вы дурной предсказатель и от вас могут быть одни проблемы...

– Тогда что вам нужно от меня?

– Я хочу, чтобы вы составили мне новый гороскоп с хорошими предсказаниями...

– Послушайте, – Пармениус рассердился и заговорил назидательным тоном, – гороскопы не бывают ни плохими, ни хорошими. Они показывают только то, что вам предписано судьбой. А нравится вам это или нет – это ваше личное дело. И если что-то не сбылось, то это только к лучшему. Значит, вы не так сильно зависите от расположения звёзд и можете сами влиять на свою судьбу!

– Но, послушайте, как же так?! – напористость собеседницы поубавилась. – Я всё же хочу...

– У вас будут большие проблемы, если вы не оставите меня в покое. Вас ждёт удача по работе, если вы перестанете сплетничать о своей начальнице, и вы обязательно заболете, если не поможете своему единственному брату! – Пармениус был сильно раздражён.

– Откуда вы знаете про моего брата? – голос внезапно по-ник.

– Я всё знаю, потому что я астролог и предсказатель Пармениус! А вы бегаете к самозванцам типа Феодоры. И бегайте дальше – правды о вашем будущем эти шарлатаны вам не скажут никогда, потому что она им неведома! Они лжецы! И до свидания! – астролог резко положил трубку на телефонный аппарат с номероопределителем, на котором зеленели циферки домашнего номера истеричной дамочки.

Старинные настенные часы с маятником пробили ровно пять. Пармениусу было нехорошо.

Уже с утра он почувствовал острую тревогу. Она зародилась ещё во сне – вещем сне.

Ему приснились крепкие спортивного вида ребята с обнажёнными торсами и короткими стрижками. Они шли строем, колонной по двое, чётко отбивая шаг каблуками военных ботинок и раскачиваясь из стороны в сторону. Лица у них были безжизненны, как у зомби, а вместо глаз темнели провалы пустых глазниц. Они шагали в его сторону и, медленно поднимая, протягивали к нему руки. Проснувшись, Пармениус прислушался к своим тревожным ощущениям. Каза-

лось, он понимал смысл этого сна, но явно не хотел в этом признаться самому себе. Потому что всё говорило об угрозе для его жизни...

3

– Андрей Сергеевич, вам звонят, – пропела своим томным голосом секретарша Нина. – Не представились, но настойчиво просили соединить с вами. Сказали, что хотят поздравить лично и передать привет... Резвому.

– Соедини! – Андрей Сергеевич нехотя поднял трубку дорогого офисного телефона. Этот звонок ему не понравился. Немного осталось на белом свете людей, которые имели смелость обратиться к нему по старому прозвищу – Резвый. – Алло, Резванов на проводе.

– Привет, Резвый!.. – голос был низкий, с хрипотцой, вкрадчивый и очень уверенный. – Узнаёшь?

Андрей Сергеевич нахмурился, но, с усилием изобразив радушие, непринуждённо ответил:

– Узнал, Слон, узнал... Привет, уважаемый! Какими судьбами? Как обо мне вспомнил? – Андрей Сергеевич черкнул на бумажке: «Откуда звонок?» и протянул стоявшему рядом помощнику. Тот моментально исчез за дверями кабинета.

– Вспомнил, Резвый. Как же про тебя позабыть? Лет двенадцать, поди, не виделись. Как раз мой срок вышел. Последний звонок позавчера оттрубил... Вот, откинулся, и сразу решил тебе позвонить. Хочу поздравить тебя с днём рождения... – голос Слона слегка дребезжал, видимо, он с трудом сдерживал ярость.

– Спасибо, Слон, спасибо. Ты всегда был добрым и чутким товарищем. А откуда ты звонишь? Из Сибири?

– Нет, я уже из Москвы. Вот обзваниваю старых приятелей. А у тебя сегодня как раз дата торжественная, – Слон довольно хохотнул. – В общем, Резвый, желаю тебе здоровья и... до-о-олгих лет жизни!

– Спасибо, Слон, я буду очень стараться, – Андрей Сергеевич услышал в трубке гудки отбоя. Ему стало тревожно, и какая-то тихая злость заклокотала внутри живота.

Вошёл помощник и протянул листок бумаги. Там было написано: «Звонили из Москвы с городского телефона. Номер определить не удалось. Защита высокого уровня». Прочитав записку, Андрей Сергеевич скомкал её и кинул в мусорную корзину. Помощник участливо наклонился и вежливо спросил:

– Какие-то проблемы?

– Да, нет... Старый корефан объявился. С днём рождения поздравил. Кстати, как там с банкетом? Всё ли готово? – Андрей Сергеевич встал из-за письменного стола, изготовленного на заказ из полированного красного дерева, и прошёлся по просторному светлому кабинету.

– Не извольте беспокоиться. Почти всё готово. Торжественный ужин на двести персон, согласно утверждённого списка, начнётся в 19 часов в вашем ресторане «Глория». Я звонил – справился. Шеф-повар уверил, что всё в полном ажуре. Французское шампанское charterным рейсом из Па-

рижа уже доставили. Цветы из Голландии тоже. Подарки начнём принимать уже сейчас, – помощник взглянул на часы, они показывали 17—00.

– Охрану прибавьте. И прослушки на телефоны включите. Мало ли что. Всё-таки городское начальство будет. И вообще... – Андрей Сергеевич подошёл к окну и отдернул плотную штору. Толстые пуленепробиваемые стёкла слегка искажали вид на вечернюю улицу. Из-за низкой тёмно-серой облачности стояли густые сумерки, и город потихоньку включал освещение. Свет от фонарей и автомобильных фар преломлялся в четырёхлучевые звёздочки, и это придавало особую загадочность мрачному городскому пейзажу. Отвернувшись от окна, Резванов неожиданно спросил у настороженного помощника:

– А где сейчас Бурый? Геннадий Николаевич – он в городе?

Помощник изобразил удивление, но ответил, не мешкая:

– Час назад он был у себя в офисе, но затем выехал в центр города. Могу уточнить...

– Разведка? Молодцы! Свяжись с ним и попроси срочно заехать ко мне. Скажи, что очень важно и я очень сильно просил. Хорошо? – Андрей Сергеевич посмотрел на часы и вышел из кабинета.

Подполковник Лазукин с удовлетворением смотрел на дверь своего кабинета, на которой красовалась блестящая медная табличка с чётко выгравированными словами: «Начальник УВД города Прокопейска Лазукин Владимир Романович». Её привинтили две недели назад, но подполковник ещё не успел налюбоваться ею сполна.

Пройдя через небольшую приёмную, ещё не обретшую секретарши, подполковник Лазукин вошёл в свой просторный, обставленный новой офисной мебелью кабинет и с удовольствием уселся в мягкое кресло за большой письменный стол.

На настенных часах с огромным белым циферблатом стрелки показывали ровно пять часов. Подполковник нажал кнопку селектора и вежливым голосом попросил:

– Майор Сиротин, зайти, пожалуйста, ко мне.

Через пять минут в кабинет тихо вошёл высокий молодой майор с коротко стриженными седоватыми волосами и строгим худощавым лицом. Не дожидаясь разрешения, он молча прошёл, сел в кресло у окна и вопросительно поглядел на Лазукина. Тот, сидя за своим столом, закурил папиросу и, выпустив дым в потолок, задумчиво произнёс:

– Костя, я получил приглашение на банкет к Резванову. Сегодня у него день рождения, и он пригласил всё городское

и областное начальство в свой ресторан на улице Кирова. Передо мной сложный вопрос – идти или не идти... Хочу с тобой посоветоваться как со старым приятелем и боевым товарищем. Что ты думаешь по этому поводу?

– Странно, что ты только сейчас заговорил об этом. Приглашение тебе принёс курьер четыре дня назад в полдень... – майор Сиротин тоже закурил папиросу и повернулся к начальнику лицом. – А что тебя смущает?

Тот посмотрел на майора с некоторой строгостью. Вслух же подполковник произнёс:

– Я не собирался идти. Но вчера мне позвонили. Сначала городской прокурор Ставрогин. Он спросил – иду ли я к Резванову на банкет, а когда я ответил, что нет, то он чуть ли не закричал, чтобы я не глумил, что мне обязательно нужно там быть, иначе меня не поймут. А сегодня утром мне позвонил мой шеф из областного управления внутренних дел и тоже поинтересовался – иду ли я на банкет к Андрею Сергеевичу... Я, было, возразил, что не собираюсь лицеизреть дорогого гражданина Резванова. На это шеф строго и безапелляционно заявил мне, что если я не пойду на банкет к Резванову, то буду полным дураком и вряд ли смогу оправдать высокое доверие, оказанное мне руководством областного УВД... Вот я и задумался – что же делать?

– А что, Володя, почему бы и не пойти? Особенно, если об этом просит высокое начальство и коллеги из правоохранительных структур? – в голосе майора Сиротина послыша-

лась злая ирония.

– Костя, я всего лишь две недели сижу в этом кресле. А до этого пятнадцать лет тянул лямку в районном отделении. И ты прекрасно знаешь, что посадили меня за этот стол не за красивые глазки и не по благу... Преступность растёт, криминал крепчает, и требуются настоящие профессионалы для борьбы с ним, – подполковник сделал затяжку, и папироса пыхнула огоньком. – Когда мы с тобой последний раз были в командировке в Чечне, не ты ли говорил, что пришло время таких, как мы – нормальных и непродажных ментов, которые смогут навести наконец порядок в стране. Говорил ты такое? – Лазукин в упор поглядел на Сиротина.

Тот в ответ посмотрел так же твёрдо, только в глазах стояла тёмная злость:

– Да, Вова, говорил. И время наше, действительно, пришло. Ты стал начальником городской милиции, а я начальником отдела по борьбе с организованной преступностью. А разве много мы с тобой смогли сделать за предыдущие годы? У меня два пулевых ранения, жена инвалид и дочь ходит в школу под негласной охраной. А у тебя уже две автомобильные аварии и постоянный прессинг сверху и снизу, чтобы ты не развивал слишком бурную деятельность, – в голосе майора звучал металл.

– Что?! Скажи мне на милость, что мы успели сделать?! Пересажали мелких жуликов, разгромили мелких наркоторговцев, утихомирили шпану, прижали немного хвосты кав-

казским бандам и всё! А остальная крупная сволочь как сидела по своим еврохазам, так и продолжает сидеть, да ещё и куражится! – Сиротин вскочил с кресла и начал нервно ходить по кабинету. Его речь звучала громко и раздражённо:

– Где сейчас Арканя-кидала? Он начальник Городского управления финансов!.. Блин, махрового жулика ставят управлять государственными деньгами! Что он сделал первым делом? Урезал бюджет на поддержку городской милиции! Как же! Мы слишком хорошо помним его биографию...

А где этот бандит Пырин? Правильно, руководит Городской думой. Он, видишь ли, депутат...

А что делает Журик-кровопийца? Он – крутой бизнесмен! Поубивал мелких конкурентов и теперь держит почти половину торговли в городе...

Бутя, Пятак, Сомик – отпетые бандиты, на них клейма ставить негде! Гляди-ка! Нынче все богатые бизнесмены и общественные деятели! Сомик у нас теперь самый главный благотворитель – опекает сироток в детских домах. А сколько сироток он оставил десять лет назад, когда его бригада умывала кровью весь Полуховский район? И ведь не сумели мы его тогда посадить – ни одной улики, ни одного свидетеля! Он всех отправил на кладбище...

А что сейчас делает Резвый? Ах, пардон, господин Резванов! Теперь он депутат Законодательного собрания нашей замечательной области. Магнат, хозяин заводов, газет, пароходов... Некоронованный король города Прокопейска,

явный и тайный владделец почти всего крупного бизнеса. Не он ли теневой мэр нашего города? Не он ли тут назначает всех на должности и снимает с них? А? Ответь мне, Владимир Романович? – майор Сиротин раздражённо погасил в пепельнице недокуренную папиросу и достал новую.

Разговор накалялся. Подобная тема не раз возникала в этом кабинете, но именно неспособность решить обсуждаемые проблемы силами правопорядка порождала и в подполковнике, и в майоре чувство раздражения от неисполненности своего офицерского долга. Это и сближало старых боевых товарищей, и, одновременно, отдаляло их по причине своего служебного и гражданского бессилия.

Раздался звонок городского телефона, и Лазукин недовольно протянул руку за трубкой. Поднеся её к уху и услышав знакомый голос, потеплел, улыбнулся, ласково и тихо произнёс:

– Да, солнышко, всё нормально, – подполковник выразительно глянул на Сиротина, кивнул, давая понять, что звонит жена, и извиняясь за вынужденный перерыв в разговоре.

Инна Викторовна была чрезвычайно занята. Должность начальника юридического отдела Городского управления коммунального хозяйства была хлопотной и нервной. Сегодня был приёмный день, и посетители шли один за другим. Жильцы – с жалобами на работу эксплуатационщиков, эксплуатационщики – с проблемами выполнения договоров и подрядов, ремонтники – с тяжбами на смежников и заказчиков, заказчики – с актами нарушений и так далее. Обычные хозяйственно-правовые хлопоты большого коммунального хозяйства города Прокопейска.

Приёмные дни всегда были маленьким дурдомом и требовали от Инны Викторовны большой выдержки и самообладания. Опытный юрист с большим стажем работы в финансово-экономической области, она уверенно справлялась с текущей работой. Ей удавалось решать споры, улаживать тяжбы, разруливать проблемы, и большинство посетителей покидали её кабинет вполне удовлетворёнными.

Заканчивая очередной разговор, она строго поглядела на незадачливого подрядчика и назидательно произнесла:

– Вы всё поняли, Пригов? Я выношу вам последнее предупреждение. Если вы через три дня не завершите ремонт подъездов в двадцатом доме и не сдадите их жильцам, то мы расторгнем договор с вашей фирмой и выставим вам

неустойку в размере стоимости всего подряда. Акт о просрочке завершения работ более, чем на месяц, уже составлен. В суде тяжбу мы выиграем, потому что вы нарушили собственноручно подписанный договор. Так? И потом, мне не совсем понятно, что послужило причиной такой длительной задержки? Раньше вы всё исполняли вовремя. Что случилось-то, Александр Витальевич?

– Да, бес попутал, мадам Лазукина, – заегозил Пригов и на его круглом, немного восточном лице забегала хитрая улыбка.

– Я вам не мадам! – строго одёрнула его Инна Викторовна.

– Виноват! Простите. Выпал срочный заказ – в соседнем детском садике кровлю отремонтировать. Начала протекать под оттепелью. Ну, мы и подрядились. Снял я людей с подъездов и на кровлю бросил. А там ещё пришлось весь верхний этаж подлатать, потолки-то насквозь протекли. Вот время-то и прошло, а людей не хватает. Хотя подъезды я совсем не бросал, нам ведь только покраску осталось доделать и всё. Делов-то...

– Вот за три дня и доделаете! Садик садиком, а договор подряда выполняйте в первую очередь! Всё, Пригов, я вас больше не задерживаю. До свидания, и лучше не в суде.

– Не дай Бог! Всё сделаем, Инна Викторовна, всё сделаем, не беспокойтесь. До свидания! – чуть ли не кланяясь, подрядчик Пригов торопливо вышел из кабинета.

Приёмный день близился к завершению, часы показывали

почти пять. В кабинет больше никто не входил. Инна Викторовна встала из-за стола, слегка потянулась – от долгого сидения тело немного затекло – и прошлась по небольшому кабинету. В нём было много шкафов и полок, уставленных толстыми папками и книгами. Подойдя к двери, она выглянула в коридор и убедилась, что посетителей больше нет. Облегчённо вздохнув, вернулась за письменный стол, отключила компьютер и начала прибирать бумаги. Через полчаса уже можно и уходить...

В кабинет заглянула сотрудница из договорного отдела и поинтересовалась, скоро ли Инна Викторовна пойдёт домой.

– В половине шестого уйду. Приём уже закончился, – ответила Лазукина. И, правда, она очень устала. Всё-таки много нервов тратится на приём посетителей. Но неожиданно дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появилась Эльвира Литвинская. Немолодая, но по-прежнему очень красивая женщина в длинном вечернем платье и в норковой шубе внакидку, она улыбнулась и весело спросила:

– Привет, Инночка! Я без приглашения и не по записи – можно?

Инна Викторовна слегка растерялась. Эльвира была её однокурсницей по юридическому факультету, а ныне занимала должность председателя прокопейского городского суда.

Хозяйка кабинета, встав из-за стола и шагнув навстречу гостье, вежливо ответила:

– Конечно, можно, Эльвира Аркадьевна. Какой неожиданный визит. Проходи. Присаживайся! – Инна Викторовна указала рукой на небольшой стул на колёсиках и снова села за свой стол, подчёркивая, что готова к официальному разговору.

Они никогда особо не дружили с Эльвирой, даже в студенческие годы, но живя в одном городе, им приходилось встречаться то в здании суда, то на городских мероприятиях.

Инна Викторовна хорошо помнила, как в молодости за светловолосой красавицей Эльвирой ухаживали почти все ребята-однокурсники. Инна тогда испытывала опасения, что и её жених, молчаливый и серьёзный Володя Лазукин, тоже увлечётся эффектной блондинкой. Но Володя был чуть ли не единственным парнем на курсе, который не обращал особого внимания на красоту Эльвиры, и ту сильно задевало это обстоятельство.

Лёгкая неприязнь к Литвинской сохранилась в Инне ещё со студенческих лет. И хотя Володя стал её мужем и продолжал любить её до сих пор, всё же Эльвира представлялась ей как легкомысленная и коварная соперница.

Нет, легкомысленной Эльвира не была, даже наоборот – отличалась умом и целеустремлённостью. Достаточно уверенно она сделала успешную карьеру – от рядового судебного клерка до председателя городского суда. Но личная жизнь у Эльвиры Аркадьевны не сложилась. Она рано потеряла мужа и одна воспитывала сына.

– Давно не виделись, Инна. Наверно, с новогодней встречи у губернатора? А как там Володя? Я так и не успела поздравить его с новым назначением. Молодец! Он заслужил эту должность, – начала разговор Литвинская, скинув шубу на кресло и присев на катучий стул рядом со столом.

– Да, Эльвира, не виделись мы давно, да только не с Нового года, а ещё с прошлой осени. Помнишь тяжбу со строительной фирмой «Антос»? – произнесла Инна Викторовна и внимательно поглядела на судью Литвинскую. Ей хотелось понять, чем вызван такой неожиданный визит. В офис, в конце рабочего дня, да ещё и в шикарном наряде с причёской. – Ты собралась в театр?

Эльвира Аркадьевна как-то грустно улыбнулась и, наклонив голову набок, ответила, не поднимая глаз:

– Нет, Инна, не в театр... Я еду на банкет к Резванову. У него сегодня день рождения, а это уже совсем другой спектакль – не классический.

– Я, в общем-то, не удивляюсь. К Резванову сегодня многие едут, – Инна Викторовна слегка постучала пальцами по столу.

– А Володя едет?.. Владимира Романовича пригласили? – Литвинская подняла глаза и с какой-то тревогой посмотрела на Лазукину.

Та с недоумением ответила:

– Володя? Я даже не знаю... А что его должны были пригласить?..

Эльвира Аркадьевна пожала плечами:

– Так вот я интересуюсь...

– Вряд ли Володя поедет к Резванову на день рождения. Ведь он хорошо знает, кто такой Резванов... Да и ты... Эля... Ведь ты же знаешь, кто такой этот ваш Резванов? – Инна Викторовна начала понемногу сердиться. Этот разговор был ей неприятен и стал тяготить.

– Да, Инна, я слишком хорошо знаю, кто такой этот наш Резванов... По прозвищу Резвый. Слишком хорошо! – Литвинская недобро улыбнулась. – Я даже иногда удивляюсь, почему я ещё жива и почему до сих пор остаюсь городским судьёй,

– Ну, может, тебя Бог бережёт и начальство любит? – в ответ усмехнулась Лазукина.

Но Литвинская неожиданно вспыхнула, и в глазах её заискрилась злость. Она гордо встряхнула головой, и её пышная причёска упруго всколыхнулась:

– Инна, уже прошло столько лет, а ты всё ещё ревнуешь меня к Володе. А ведь он даже не глядел в мою сторону. Да и я, честно говоря, не питала к нему особой симпатии. Так, хотела и на нём свои чары попробовать... Ты вспомни, какой он был! После армии, после школы милиции, весь такой серьёзный. Пришёл на юридический в наш университет и уже тогда сразу заявил, что будет только милиционером. Будет бороться с преступным миром за счастье трудового народа! Ведь мы тогда все подсмеивались над ним.

– А я не подсмеивалась! – Лазукина ответила уверенно и твёрдо. – Я так же, как и он, мечтала бороться с преступностью на благо нашего социалистического общества. Поэтому я вместе с ним. До сих пор! Правда, сейчас уже капиталистическое общество, но и в нём нужно бороться за соблюдение законов и элементарного порядка, чтобы мы все не превратились в стадо двуногих животных! Как видишь, я борюсь за соблюдение законности в жилищно-хозяйственной сфере. Но и этим тоже кто-то должен заниматься!

Они помолчали. Инна Викторовна немного поостыла, напряжённость снизилась, и она спросила бывшую однокурсницу:

– А как твой сын, Эля? Как у Саша дела?

Литвинская тоже успокоилась. Переключившись на близкую ей тему, мило улыбнулась и охотно ответила:

– Саша закончил юридический два года назад и сейчас работает в Новосибирске в районной администрации. Ему нравится, его считают перспективным специалистом. Дай Бог. А как ваши дети, Инна?

– Да тоже, слава Богу. Старший, Николай, окончил лесотехнический институт и теперь работает в Ангарске инженером на заводе. Младшая, Лена, ещё учится на третьем курсе юридического в Питере. Собирается идти по стопам отца, но очень надеюсь, что ещё передумает.

Всё-таки работа у Володи не мёдом намазана. Я вот жду-не дождусь, когда он о пенсии задумается. По выслуге пен-

сию он уже заработал, но уходить пока не собирается. Шутит, что хочет погибнуть на боевом посту, а не умереть дома в постели, – Инна Викторовна взглянула на часы, висевшие на стене, – те показывали начало шестого.

Литвинская тоже бросила взгляд на настенные часы, но затем внимательно посмотрела на свои наручные часы в массивной золотой оправе. Встала, засобиравлась уходить и вдруг неожиданно произнесла:

– Инна, я заехала, чтобы сказать тебе лично, что Володя – замечательный мужик. Он ведь единственный, кто до конца остался принципиальным и честным человеком, не изменил ни себе, ни своей совести... И ты – тоже молодец! Ты уберегла его от всей этой нашей грязи, от этих соблазнов, взяток, искушений, лизоблюдства, лжесвидетельства, угодничества... Ты береги его, Инна... А сегодня ему не надо ездить к Резванову. Там могут произойти какие-нибудь неприятности, и лучше бы ему быть подальше от них.

– Ты что-то знаешь? – Инна Викторовна встревожилась. – А зачем туда едешь ты?

– Нет, Инна, я ничего точно не знаю. Но догадываюсь. Я слишком хорошо знаю всю эту криминальную шоблу, которая липнет к Резванову. И такие, как он, обязательно должны быть наказаны! – Литвинская взяла свою шубу и накинула на плечи. – А я еду туда потому, что хочу всё увидеть своими собственными глазами... Прощай!

Эльвира Аркадьевна стремительно вышла из кабинета,

оставив за собой шлейф французских духов и явное замешательство на лице Лазукиной.

Инна Викторовна вдруг вспомнила тот злополучный день, когда гружённый щебнем КАМАЗ, выскочивший на огромной скорости на встречную полосу, чуть не раздавил их старенькие «Жигули». Спасло их тогда только чудо и водительское мастерство Володи – он в доли секунды среагировал и успел резко вывернуть в сторону, выехав на обочину. КАМАЗ чуть позже нашли с пустой кабиной – без водителя. Отыскался и настоящий хозяин, шофёр местной автотранспортной фирмы, который заявил, что грузовик с щебнем был угнан утром прямо из карьера, а заявить об угоне он не успел. Лазукину было и так понятно, что этот нечаянный наезд – был попыткой покушения лично на него. Исполнителя и заказчика в тот раз отыскать так и не удалось. Но Инна Викторовна хорошо запомнила тот кратковременный и ужасный миг, когда они вместе с Володиёй едва не погибли.

После ухода Литвинской у Инны Викторовны возникла смутная тревога и, взяв в руки телефонную трубку, она торопливо набрала служебный номер своего мужа.

– Да, Инна, меня пригласили на банкет к Резванову, и там будет всё городское начальство, – подполковник Лазукин терпеливо и ласково разговаривал с женой по телефону. – Я ещё не решил, поеду или нет... Вот сижу с Костей разговариваю, советуюсь. Тебе привет от него... Ты ведь понимаешь, что для меня это не совсем простая ситуация... Ты советуешь не ехать? Вполне разумный совет... Но я буду ещё думать. А решение приму сам...

Пока подполковник разговаривал с женой по телефону, майор Сиротин мысленно прокручивал уже в который раз всю информацию о Резванове и его команде. Досье и дела на его группировку он знал почти наизусть.

Резванов Андрей Сергеевич, 1961 года рождения. Уроженец города Прокопейска. Образование высшее техническое. Холост. Есть сведения, что имеет сына от гражданки Израиля.

В данное время является генеральным директором закрытого акционерного общества «Главстройснаб», занимает должности председателя совета директоров завода «Строймаш» и председателя правления благотворительного фонда «Наследие». Является также депутатом Прокопейского областного Законодательного собрания и руководит местным отделением партии «Неделимая Россия».

Резванов – величина большая. Связи у него огромные. Состояние тоже немереное. Вроде бы благополучный господин. Но в правоохранительных структурах хорошо знали, откуда у него капитал, связи и могущество.

Организованная преступная группировка «машинистов», которой сначала руководил Гоча Араев по кличке Чача, а после его гибели – Михаил Солопов по кличке Слон, – сформировалась в начале 90-х годов прошлого века в заводских районах города Прокопейска. Андрюша Резванов по прозвищу Резвый был у них тогда на подхвате, вроде как финансовый советник и держатель криминальной кассы. Именно он тогда вёл стратегию по приватизации и покупке выгодных предприятий. Именно он легализовал и приумножил капиталы преступной организации. А затем все члены этой группировки начали странно и стремительно погибать. То разборки, кровавые и бессмысленные в своей жестокости, то какие-то нелепые несчастные случаи и ещё более смешные самоубийства.

Сиротин вспомнил, как Боря по прозвищу Питбуль выкинулся из окна пятого этажа со связанными руками. Да ещё, видимо, побился головой об стенку перед смертью, чтобы надёжнее цапануло. Тогда ведь расследование вёл его бывший шеф, майор Охоткин, а он страсть как любил всё списывать на суицидные наклонности криминальной братвы. Видимо, верил в их слабонервность.

Уцелели тогда из всей банды только четыре лидера: Слон,

Пилигрим, Бурый и Резвый. Впрочем, Резвый никогда лидером-то особо и не считался. Он нигде и никогда не светился – ни на сходнях, ни в криминальных операциях. Он всегда был легальным и незамаренным. Ни одной судимости, ни одного дела, ни одного эпизода – даже свидетелем ни разу не проходил. Только по оперативным данным значился как бизнесмен, работающий с деньгами сомнительного происхождения. И надо заметить, что все, кто так или иначе приближался к расследованию его бурной деятельности, быстро получали либо пулю, либо повышение по службе.

В общем, ускользнул тогда Андрей Сергеевич Резванов по прозвищу Резвый от правосудия. Построил свою бизнес-империю на нажитые преступным путём деньги, приобрёл положение в обществе и государственный статус, и теперь вроде бы как – элита! Только крови на нём море – не одной сотни людей.

Майор Сиротин прекрасно помнил, как приватизировали Прокопейский машиностроительный завод – крупнейший, кстати, в Западной Сибири. Народу тогда перестреляли уйму. Боролись за завод московские банкиры и местные братки. Трудовой народ был даже на стороне своих, местных. И потому захватила завод местная группировка Солопова. Миша Солопов, со смешным прозвищем «Слон», был сыном главного инженера этого крупного завода – Александра Тихоновича – и имел достоверную информацию о ситуации на предприятии. Но именно Резвый нашёл в Москве под-

ход к главному приватизатору страны. Отдал тогда Резванов в руки ответственных чиновников пять миллионов долларов наличными и привёз уже подписанный правительственный документ в пользу своего «Главстройснаба».

Говорят, Резвый тогда убедил Слона и других главарей в том, что именно его легальная фирма сможет эффективно управлять большим заводом. Но после того, как никому ранее неизвестный «Главстройснаб» стал собственником крупного машиностроительного завода, а Резванов возглавил его совет директоров, – у преступной группировки «машинистов» начался процесс самоуничтожения. Бандиты сами отдали огромный козырь Резвому в руки, и он пошёл в гору как легальный бизнесмен, а они так и остались преступными элементами в бандитском подполье.

А потом произошла странная и необъяснимая разборка Миши Солопова, Слона, с кавказской бандой Вахи Абрека в Москве, после которой Слона едва не убили. Ваху тогда застрелили, и почему-то все посчитали, что сделал это именно Слон. Затем Слона крупно подставили на сделке с оружием, и он загремел в тюрьму на двенадцать лет. Его искали подельники и родственники Абрека, но Слон хитро затаился. Его переводили из зоны в зону до тех пор, пока следы не затерялись где-то в недрах нашей огромной пенитенциарной системы. У Солопова вероятно имелись могущественные криминальные покровители, и они помогали ему отсидеться по подложным документам где-то в далёком забай-

кальском лагере строгого режима.

У Слона явно имелся зуб на Резвого. Видимо, тот наглым образом кинул Солопова и прибрал к рукам весь бизнес, который они начинали вместе преступными действиями.

Рядом с Резвановым всегда находился Пётр Павлович Пилин, по прозвищу Пилигрим, бывший офицер вооружённых сил, который тоже угодил в тюрьму за вымогательство на пять лет. Хотя дело было какое-то мутное – явно подставное. Кто-то уж очень хотел отправить Пилигрима на нары. Но Резвый опекал Пилигрима на зоне, присылал ему «подогрев» и морально поддерживал, как мог. Так что после освобождения Пилигрим сильно не дёргался и сейчас тихо работал в одной из коммерческих структур Резванова. Но чувствовалось, что и у него тоже осталась сильная обида на Резвого. И вообще Пилигрим был очень непростым человеком.

Есть ещё один из той же банды – Геннадий Николаевич Рябкин по прозвищу Бурый. Этот был в своё время выдающимся спортсменом – чемпионом области по дзю-до. Он был даже кандидатом в олимпийскую сборную, но преступные наклонности поставили крест на его спортивной карьере. Именно он, Бурый, создал боевой костяк банды Слона. Ребята – в основном из спортивных секций. Они-то и начали устанавливать жёсткий контроль над местным бизнесом. А потом, на пике могущества банды, все неожиданно поумирали в расцвете своих молодых сил.

Бурый сам никогда и нигде не участвовал в криминаль-

ных операциях и кровавых разборках – был очень осторожен. Висело на нём два «мокрых» дела, но он как-то сумел от них ловко отмазаться.

Сейчас Бурый руководил частным охранным предприятием, кооптированным в коммерческие структуры Резванова. Кормился, так сказать, от общего бизнеса, но на вторых, наверно, даже на третьих ролях. Он был хорошо осведомлён о делах Резвого, но почему-то до сих пор ещё жив. Видимо, имел какой-то очень весомый аргумент, оберегающий его жизнь.

Ещё сидя в заключении, Михаил Солопов получил неожиданную поддержку с воли от некоего доброжелателя, который начал оказывать ему негласное покровительство. Слона несколько раз переправляли этапом на разные зоны, и он понял, что делается это в его же интересах, чтобы его не смогли отыскать слишком мстительные сообщники Абрека.

Отношение лагерного начальства к нему было вполне нормальным, без прессования и особо пристального внимания. Солагерники, блатные и простые, тоже особых хлопот ему не доставляли. Держался Слон особняком – всех сторонился и ни к кому не примыкал. Ему так было спокойней и безопасней. Два раза в месяц он получал большие посылки с продуктами, табаком, чаем, витаминами и необходимыми лекарствами.

А однажды к нему приехала на свидание незнакомая молодая женщина, назвавшаяся родственницей. Встретившись с ней в комнате для свиданий, Солопов удивился – он видел её впервые, но сразу же понял, что эту встречу ему тоже организовал неведомый покровитель.

Первое, что сказала ему незнакомая «родственница»:

– Тебе привет от Пилигрима. Я от него. Меня зовут Лена, и он просил доверять мне, – она протянула Михаилу письмо, которое было написано почерком Пети Пилина, Пили-

грима, старого товарища по прокопейским делам. В письме тот коротко поведал о себе и убедительно просил Мишу Соколова набраться терпения – досидеть свой срок без шума. В противном случае, Слона могут отыскать недоброжелатели, и ему тогда не поздоровится. Да и Резвый может вдруг вспомнить про него и тоже не даст дожить до освобождения. Так что, писал в своём письме Пилигрим, надо Мише досидеть тихо и так же тихо дожидаться выхода на свободу, а там он понадобится для новых больших дел.

– Как он, где он? – настороженно спросил Слон.

– Он в порядке. Ему тоже пришлось пять лет почалиться на зоне. Но сейчас он снова с Резвым в одной команде.

– С Резвым? Тогда что ему нужно от меня? – злобно выкрикнул Слон и вскочил со стула.

– Не кипятись. В письме он тебе всё объяснил. Сейчас Резвый в силе! Но многие заточили на него острый зуб. Пилигрим тоже. Из-за Резвого он отсидел за решёткой и потерял весь свой бизнес. Сейчас он охраняет коммерческий банк Резвого и не имеет больших возможностей. Но после своего освобождения, он сразу же отыскал тебя и помогает уже несколько лет. Ты ему нужен. К тому же у него тоже появились сильные покровители, которые хотят разобраться с Резвым. Так что, Слон, послушай совета и наберись терпения, тебе осталось совсем немного до звонка. Хорошо?

Слон согласно кивнул головой.

После этого Лена приезжала к нему ещё несколько раз

и передавала много интересных сведений о делах, происходивших на воле. Слон вёл себя тихо – надежда на свободу и жажда мести согревали его и немного успокаивали.

* * *

Ранним утром, после процедуры освобождения, возле самих ворот исправительно-трудовой колонии, Михаила Солопова встретила Лена с незнакомым молодым парнем в строгом тёмно-сером костюме. Они посадили его в небольшой серый джип и повезли в областной центр. По дороге парень представился как Андрей и без обиняков предложил Слону сотрудничество.

– Ты ментовской? – насторожился Солопов.

– Нет! Я из альтернативной коммерческой организации, но не криминальной. У нас есть интерес к делам вашего бывшего компаньона Андрея Резванова. Ваш приятель Пилин рекомендовал вас как человека, пострадавшего от происков Резванова, и мы надеемся, что вы окажете нам содействие в восстановлении справедливости, – Андрей говорил уверенно и немного покровительственно. Он давал понять, что отныне Слону придётся играть по правилам, предложенным этой загадочной организацией, в противном же случае он останется один на один с Резвановым и своими проблемами.

Особого выбора у Солопова не было, да и предлагали ему фактическое сотрудничество против Резвого.

– Он загнал моего отца в гроб, отнял мой дом, посадил

меня в тюрьму. Я с чёртом заключу сделку, чтобы отплатить ему за всё. Если вы мне поможете поквитаться с Резвым, то я всё сделаю для вас, – мрачно произнёс Слон, и горячая жажда мести вспыхнула в нём с новой силой.

– Значит, договорились, Михаил Александрович! – Андрей вёл автомобиль и разговаривал с Солоповым, не поворачивая головы, изредка поглядывая на того через зеркало заднего обзора. – Сейчас мы едем в аэропорт и затем летим в Москву. Там вы подробно и со всеми деталями изложите всё, что знаете про Резванова и его деятельность в тот период, когда он был вместе с вами. Ваша история нам более или менее известна, и претензий к вам нет – вы своё отсидели. Теперь вы нужны нам, и мы вам поможем. Мы рассчитываем на порядочные партнёрские отношения и добросовестное сотрудничество. Вы согласны, Михаил Александрович?

Солопов ничего не ответил, было и так понятно, что его молчание – это знак полного согласия.

Все вместе они вылетели в Москву ближайшим рейсом. В столице Андрей привёз Слона в небольшой старинный трёхэтажный особняк где-то на окраине в парковой зоне. На первых двух этажах располагались офисные кабинеты, в которых работали тихие дисциплинированные люди в одинаково строгих костюмах и с заметной армейской выправкой. На третьем этаже находились жилые комнаты. В одной из них и поселили Солопова.

Вечером с ним побеседовал строгий пожилой человек

с густыми седыми бровями и тяжёлым пристальным взглядом. Он долго расспрашивал о Резванове, о Рябкине, о Пилине и о других участниках некогда грозной прокопейской группировки «машинистов». Он проинструктировал Солопова о дальнейших действиях и оставил его в покое.

А утром следующего дня Слон уже сидел в небольшом светлом кабинете и, слушая советы Андрея, обзванивал всех своих старых знакомых по списку, составленному накануне.

Резванов стоял в списке самым последним, и позвонил ему Михаил Солопов с особым волнением. Разговор был напряжённым, но неожиданно принёс ему какое-то глубокое удовлетворение, сердце его вострепетало от сладкого ожидания мести, а слова произносились с особой нервной дрожью:

– В общем, Резвый, желаю тебе здоровья и... до-о-олгих лет жизни!

* * *

Положив телефонную трубку, Солопов вопросительно поглядел на сидевшего напротив него в кресле Андрея. Тот был невозмутим и, казалось, был безучастен ко всему. А Слона трясло от негодования и волнения. Он, только что разговаривая по телефону с Резвановым, сдерживал себя изо всех сил. Он негодовал оттого, что сидел здесь, в Москве, в офисе у своих новых знакомых, предложивших ему неожиданную помощь, вместо того, чтобы немедленно оказаться там, в Прокопейске, и поглядеть на этого проходимца Резвано-

ва. Солопову не терпелось воздать должное своему бывшему сообщнику Резвому, этому ничтожному и жалкому человеку, предавшему его и всех своих товарищей, «кинувшему» Слона и подставившему его под тюрьму.

– Может, я зря позвонил Резвому?

– Ты правильно позвонил и вовремя. Его нужно встревожить, потому что сегодня у него день рождения и в его жизни должно произойти что-то не очень хорошее. Так указано в его гороскопе. Но независимо от того, останется Резвый в живых или погибнет, нам предстоит серьёзная работа по освоению его наследства. Понятно?

– Но я должен с ним поквитаться... За отца...

– Ты уже поквитался... Тем, что остался в живых. Твой разговор с ним будет жечь его до самого последнего момента... Пошли выпьем пива, а затем придёт Лена, и ты поедешь с ней в город отдохнуть. Ты всё сделал правильно, и всё у тебя будет нормально. По крайней мере – это в твоих руках, – Андрей встал и направился к выходу.

– Знаешь, – произнёс Солопов с сильным волнением, – я сначала думал, что вы ребята конторские, гэбисты бывшие или ещё какие-нибудь там государевы слуги. А сейчас только понял, что вы не конторские и вовсе не гэбисты. Вы такие же бандиты, как я, как Резвый, как другая братва. Вы только организованы по-другому! А по понятиям – так вы ничем не лучше нас. Такие же отморозки, только по-блатному не разговариваете...

– Пойдём пить пиво! – Андрей усмехнулся и вышел вон.

Подполковник Лазукин закончил разговор с женой, аккуратно положил трубку и, встав из-за стола, начал медленно расхаживать по кабинету, раскачиваясь корпусом из стороны в сторону.

– Ты, Костя, всё правильно говоришь. Я не хуже тебя знаю, где сейчас вся эта недобитая бандитская сволочь заседает. Но я стараюсь не горячиться. Надо всё хладнокровно рассчитывать и поддавливать эту шваль на очевидных проколах. Ведь психология вора и бандита почти не меняется со временем. Оттого, что он теперь сидит в шикарном офисе или носит депутатский значок, он ведь не перестал быть уркой и полным отморозком...

Ну, ведёт он себя, может быть, более осторожно. Но ведь, всё равно – рано или поздно – он проколется на чём-нибудь. Вот ведь Арканя уворовывает почти треть городского бюджета, и половина этих денег идёт на взятки и подкуп таких же чиновников, как мы. И доказать эти его афёры не так сложно. Ты же знаешь? Но кто стоит на его защите? Правильно, госаппарат из чиновников и бюрократов, которые нуждаются в его услугах и которых он кормит с руки украденными у государства деньгами.

Мы можем вот так вот, в лоб, переломить ситуацию? Конечно, нет! И ты знаешь – почему! Завтра тебя достанет тре-

тъя пуля, а меня в третий раз сшибут КАМАЗом, только уже наверняка насмерть, и поставят на наши места более сговорчивых и покладистых парней, которые, как и все, будут брать деньги и у Аркани, и у Резвого, и у Пырина, и у наркоторговца Мустафы.

Уже то, что ни ты, ни я – не берём этих поганных денег, вызывает раздражение и у наших коллег, и у нашего начальства. Мы не из их банды, мы белые вороны, и нас будут пытаться или сломать, повязав на деньгах, или просто уберут по-тихому. И если только на пенсию, то это будет ещё не самый худший вариант, – подполковник повернулся к тёмному окну и принялся разглядывать вечернюю улицу.

– Так что ты предлагаешь, Володя? Сколько мы ещё можем сидеть и сопеть в тряпочку? У меня из отдела уже уходили почти все самые лучшие и честные ребята, которые с нами прошли и горячие точки, и серьёзные спецоперации. Одни не верят, что мы вообще что-то можем изменить в этой гнилой ситуации. А другие мне уже прямо в глаза говорят, что и я тоже скурвился, раз ничего не предпринимаю. И мне это всё изрядно надоело, – Сиротин встал рядом с Лазукиным и тоже поглядел в окно. – Сам я не могу действовать, потому что повязан и законами, которые принимают такие, как Резвый, и корпоративной солидарностью, да и просто мне нужно думать о семье. Чёрт бы побрал всю эту нашу камарилью!.. – Майор Сиротин закурил новую папиросу, которую уже изрядно помял в пальцах, и снова уселся в крес-

ло. Он немного успокоился, выговорившись не столько перед начальником, сколько перед своим старым товарищем по оружию. – Скажи, Вова, всё-таки, что-то мы можем сделать? Или стоит снять погоны и уехать в деревню пасти коров?

Лазукин присел на краешек стола и, глядя на майора Сиротина в упор, заговорил уже намного спокойнее:

– Костя, и ты, и я одинаково понимаем сложившуюся ситуацию, и мы вовсе не одиноки. Нормальных и порядочных мужиков ещё немало осталось и в милиции, и в прокуратуре, и в армии, и в других силовых структурах. Мы все друг друга знаем, и у нас была возможность проверить друг друга в деле – кто чего стоит – не на словах, а в боевой обстановке, с оружием в руках. Поэтому считаю ситуацию совсем не безнадёжной. Сейчас мы начинаем работать на качество...

Подросло новое поколение молодых и голодных бандитов, которым не достался пирог, поделённый такими, как Резвый и Арканя. И этим молодым отморозкам наплевать на высокие должности и авторитеты своих криминальных предшественников. Они поубивают их и отнимут всё то, что те украли у народа. И предела этому нет, и никогда не будет. Только профессиональная и бескомпромиссная борьба может по крайней мере утихомирить всю эту бандитскую стаю.

Нынешняя политическая система криминальна по сути, но и она нуждается в таких профессионалах, как мы. Без нас, без нашего опыта и умения, она рухнет, потому что продаж-

ные менты не могут наводить порядок и бороться с преступностью – по определению не могут. Мы – можем, и потому с нами пока ещё считаются...

Мы заняли руководящие должности вполне закономерно и закрепились на своих позициях. Нам нужно теперь сконцентрировать свои усилия на главном направлении, – Лазукин встал и снова прошёлся по кабинету:

– Кто в нашем регионе ключевая фигура в преступном мире? Кто разруливает все процессы – и легальные, и нелегальные? Правильно. Это – Резвый...

Майор Сиротин взглянул на часы, показывая, что времени у него осталось не так много. Но он ждал главного от этого разговора со старым приятелем и соратником:

– Вова, мы оба всё хорошо знаем о Резвом и его окружении. Резвый, действительно, является ключевой криминальной фигурой в нашем регионе. Устранив его, мы наверняка нанесём сокрушительный удар по всей его бандитской империи и с большой вероятностью ликвидируем всю его шайку. Но будет ли этот удар окончательным? Я прекрасно понимаю, что все остальные – это вторичные и даже третичные фигуры. Пахан над всеми – именно Резвый. Но как его убрать? Банально грохнуть руками киллера? Это не так просто сделать, особенно – нам. И даже ликвидировав его физически, сможем ли мы окончательно разрушить его преступную структуру?! Вдруг вместо него сядет другой – со стороны или сверху – более умный и осторожный отморозок?

Всё ли мы просчитали? И есть ли у нас зацепки на Резвого?..

Лазукин молчал. Ему предстояло принять непростое решение, и оно далось ему нелегко.

После долгой и напряжённой паузы в кабинете подполковник, глядя в глаза своему товарищу майору Сиротину, твёрдо произнёс:

– Костя, зацепки есть. Преступная империя Резвого устроена так, что всё завязано лично на нём. После его смерти вся структура гарантированно рассыплется на куски. Уже есть охотники прибрать к рукам всё, что останется после Резванова. Эти шакалы уже что-то почувствовали и потянулись в Прокопейск... А я лично всё-таки пойду сегодня на банкет к Резвому. Мне не нужно сейчас раздражать своих коллег, да и надо притупить бдительность самого главара. А там – буду действовать по обстоятельствам...

Помолчав, Лазукин добавил:

– Я хочу своими глазами посмотреть на все эти сливки общества, прикормленные Резвановым. Затем буду принимать радикальные решения. Кстати, через час мне уже надо выезжать.

Сиротин встал с места – он был вполне удовлетворён этим разговором. Всё-таки он услышал то, что хотел от своего начальника и боевого товарища. Они крепко пожали друг другу руки, и майор вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Пармениус вздрогнул, ему явственно послышался звонок по городскому телефону. Звонка на самом деле не было, потому что дисплей номероопределителя никак не среагировал. Но звук отчётливо стоял в ушах, и Пармениус понял смысл иллюзии – это предупреждение о надвигающихся событиях, исход которых был не предопределён. Ему стало страшно, потому что такие ситуации несли в себе скрытую угрозу, а неопределённость всегда страшнее угрозы явной. Он силился увидеть развитие этого события в ближайшем будущем хотя бы на час вперёд, но линия судьбы не развивалась, а упиралась в какое-то невидимое препятствие. Приготовившись к самому худшему, Пармениус протянул руку к телефону и приготовился поднять трубку.

Время шло, и рука начала заметно дрожать.

Звонок прозвучал неожиданно громко, прогнав по натянутым нервам Пармениуса острый сигнал вглубь мозга и вызвав мощный выброс адреналина. Дисплей на телефоне загорелся зелёными штрихами – номер не определился. Вспотевшая рука с трудом подняла трубку и поднесла её к уху. В динамике послышался приятный молодой баритон:

– Пётр Абрамович? Здравствуйте.

– Я астролог Пармениус...

– Я в курсе. Но по паспорту вы Пётр Абрамович Минхус.

– Да, но...

– Я звоню вам по просьбе одного очень уважаемого человека. У нас к вам есть деликатное поручение по вашей специальности.

– Я вас очень внимательно слушаю, – Пармениус немного успокоился, но по телу пошла странная вибрация.

– Наш шеф хочет заказать вам составление своего гороскопа. И это нужно сделать не просто срочно, а очень срочно! Вы понимаете меня, Пётр Абрамович? – голос в трубке становился твёрдым и приобретал приказной тон.

– Я очень хорошо вас понимаю, но... Составление гороскопа – вещь тонкая и непростая. Я дипломированный астролог и составляю натальные карты по строго научной методике. Мои гороскопы чрезвычайно точны и...

– Пётр Абрамович! Мы знаем, что вы один из самых лучших астрологов в стране и репутация ваша безупречна. Именно поэтому мы обратились к вам, а не к другому специалисту! – голос уже загремел. – Мы знаем, что в вашем распоряжении есть эффективные расчётные программы и вы с помощью компьютера можете достаточно быстро выполнить наш заказ! – голос снова смягчился и даже приобрёл оттенок доверительной нежности. – Это просьба очень серьёзного человека... И он заплатит вам две тысячи евро.

У Пармениуса спёрло дыхание от услышанного предложения – сумма немалая! Но сжатые сроки исполнения заказа по-прежнему вызывали настороженность. Он перехватил

трубку левой рукой, а правой вытер пот со лба. В трубку он едва не выкрикнул:

– Я согласен! Завтра всё будет готово...

– Никаких завтра! – резко перебил его снова затвердевший голос. – Сегодня! И как можно быстрее!

– Сколько у меня есть времени? – волнение охватило астролога.

– Час!.. Гороскоп должен быть готов в 18—30. Его заберут точно в указанное время. Ваш адрес нам известен, и курьер уже направляется к вам. Передадите ему гороскоп, и он вручит вам деньги. Поторопитесь, пожалуйста! Мы очень надемся на вас.

Помедлив, Пармениус нетвёрдо произнёс:

– Ну, хорошо... Сообщите мне, пожалуйста, дату, месяц и год рождения вашего заказчика. По возможности укажите время рождения или хотя бы время суток... Также мне нужно знать место рождения, пол, рост и вес этого человека, – астролог принялся торопливо записывать данные, которые диктовали ему по телефону. – Спасибо, я всё записал. Постараюсь сделать расчёты быстро. Может, вы пытаетесь установить какие-то особенности в судьбе вашего заказчика?

– Да, нас интересует – нет ли опасности для нашего заказчика в ближайший период времени? Ну, допустим, ближайшие неделя, месяц, полгода, – голос в трубке снова потеплел. – И учтите, всё, что мы вам сообщили, – строго конфиденциально, а результаты – строжайшая тайна. Вам придётся

про них забыть потом. Понимаете?!

– Разумеется! Я строго соблюдаю тайну клиентов, – Пармениус снова почувствовал вибрацию по всему телу.

– Иначе, Пётр Абрамович, пострадает ваша репутация... – голос прозвучал очень жёстко, и со злобщей прямотой добавил. – И не только!

Сразу же раздались гудки отбоя. Астролог кинул трубку на телефон и непроизвольно провёл рукой по груди, то ли вытирая пот, то ли проверяя – на месте ли сердце. А оно учащённо билось, нагнетая в голову избыточное давление.

Выпив валерьянки, Пармениус незамедлительно сел за компьютер и принялся делать расчёты. Введя данные в программу, и получив электронные таблицы, он начал строить графики на экране жидкокристаллического монитора, аккуратно водя «мышкой» по столу. Концентрические окружности, перечёркнутые разноцветными линиями с буквенными обозначениями и астрологическими символами, выстраивались в красивый и загадочный узор.

Через сорок минут натальная карта таинственного заказчика была готова. Распечатав на цветном принтере несколько листов, Пармениус задумчиво рассмотрел её ещё раз.

Карта была совсем непростой. Это был гороскоп необычного человека, которому покровительствовали главные планеты, а звёзды оказывали особое влияние. Судьба этого человека была строго predetermined. Он должен был добиться выдающихся успехов и могущества, преодолевая трудно-

сти и опасности. Но в секторе, обозначенном датой 23 марта, пересеклись несколько линий, образовав особый узел, показывающий трагический момент в судьбе.

При других раскладах это могло бы означать просто резкое изменение в жизни человека, но в данной ситуации, когда дата совпадала с днём рождения, это означало смертельную угрозу или катастрофический слом всех жизненных успехов. С учётом того, что это был гороскоп человека, родившегося под знаком Тельца, была очень высока вероятность его внезапной насильственной смерти.

Сегодня было как раз двадцать третье марта, и гороскоп велели составить именно в день рождения и накануне вероятных трагических событий анонимного заказчика. Это уже само по себе было очень тревожно, необычно и загадочно.

Пармениус был в нерешительности. Если он отдаст гороскоп в таком виде, и человеку, его заказавшему, придётся сегодня неожиданно умереть, то для астролога могут наступить неприятные последствия за такое недоброе предсказание. Астролог догадывался, что заказчик очень влиятельный человек и в его окружении могут найтись люди, которые легко обвинят его в соучастии в весьма вероятной трагедии.

Но, с другой стороны, получив предупреждение об опасности, хозяин гороскопа может избежать гибели. Хотя, как?! Пармениус ещё раз внимательно просмотрел карту и не увидел каких-либо альтернативных вариантов. Гороскоп предвещал либо смерть, либо сильный и непоправимый удар

по человеку, чью судьбу он описывал. Никаких знаков о возможности избежать катастрофы в данном гороскопе не было! Жёсткая фатальность!

Пармениус поменял в компьютерной программе несколько цифр и быстро вычертил новую натальную карту. Распечатав, он сравнил её с предыдущей. На новой карте узел катастроф 23 марта выглядел не так страшно. В нём были альтернативные варианты развития судьбы. Спрятав первый вариант гороскопа в стол, Пармениус запаковал новую карту с напечатанными комментариями в бумажный пакет. Он посчитал, что так будет лучше. Если с его клиентом что-то случится, то никто не сможет предъявить ему каких-либо претензий. А если его заказчик останется живым и благополучным, то он учтёт, что опасности ему удалось избежать благодаря предупреждению и объективным предсказаниям астролога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.